

ОБОЗРИМАТЕЛЬ
2/93

БЛЕСК И НИЩЕТА АНГКОРА

Яцек Палкевич, фотографии автора

рокладывая путь через заросли тропического леса, задыхаясь от жаркого и сырого воздуха этой огромной теплицы, я наконец-то выхожу к мифическому храмовому городу — Ангкору. Много раз я возвращался к нему — он притягивал меня больше и больше. Камни храмов источают магию и тайну, здесь все свято, все монументально — от растительности до построек. Корни деревьев-мастодонтов буквально атакуют

постройки, стволы фикусов протискиваются в расщелины стен, растительный спрут перемалывает своими челюстями произведения человеческих рук. В этой титанической борьбе, которая длится веками, нет победителей и побежденных — но именно она придает Ангкору особую привлекательность. Та-Пром, буддийский монастырь, возведенный в 1186 году богом-царем Джайварманом VII,

является составной частью комплекса Ангкор, старинной камбоджийской столицы. Ангкор был центром кхмерской цивилизации, которая господствовала в IX—XIII вв. на всем Индокитайском полуострове. В течение многих веков здесь мирно сосуществовали буддизм и индуизм. Религии — главное средство художественного развития — выразились здесь ярко и красноречиво. Здесь, по свидетельству историков, жили восемь очень высокопоставленных

религиозных чинов, 2740 священников с 2002 ассистентами. Вырезанные на камне тексты рассказывают о событиях тех времен, иногда с бытовыми подробностями: например, что однажды, во время праздника, на котором танцевали 615 небесных танцовщиц — апсар, их танцы освещали 165 744 свечи. Аккуратно перечислены и поименованы все сокровища, которые скрывали кладовые храма: пять тонн столовой посуды

из золота и столько же — из серебра, 35 бриллиантов, 45 тысяч жемчужин, 4500 других драгоценных камней. Во владении храма было 3140 деревень с 80 тысячами крестьян. На территории, равной по площади острову Св. Елены, было построено еще несколько десятков больших храмов и сотни более мелких культурных сооружений. Все они являются доказательством того, каких огромных высот достигло в то время строительное искусство.

В городке Сием-Реап, в шести километрах от храмового комплекса, беру напрокат велосипед. По хорошо утрамбованной земляной дороге проезжаю мимо Та-Кео — «хрустальной башни», каменного мавзолея пирамидальной формы, к которому ведут ступенчатые террасы. Переезжаю реку Сием-Реап, потом мост через канал, достигающий ста метров в ширину. Балюстрада этого моста сплошь состоит из изваяний мощных божеств, которые, по замыслу, должны были

защищать Врата победы. Ангкор-Том обнесен мощной двенадцатикилометровой каменной стеной. В ней, кроме Врат победы, еще четверо ворот. Иду по мосту навстречу огромной, высотой 23 метра, надвратной башне, все четыре стороны которой украшены гигантскими ликами Будды. В центре этого религиозного комплекса господствует колоссальный по размерам храм Байон. В одном стремительном порыве спились здесь искусство строителей, талант

скульпторов и резчиков. Весь памятник сложен из камня. Вокруг огромного центрального «тела» возвышаются 54 башни, на каждой стороне которых — лики Будды. Эти гигантские и абсолютно одинаковые изображения излучают такие же одинаковые таинственные улыбки, подтверждающие, что самосозерцание — настоящее счастье. Медленно иду вдоль «окаменевших книжных страниц», установленных на внешних галереях. Через вырезанные в камне образы они

рассказывают о легендах кхмерского народа, о жизни при дворе, о событиях, происходивших в семье монарха и в семьях простых людей. К северу от Байона находится так называемая Терраса слонов длиной 350 метров — в старые времена здесь проводились публичные церемонии. Тут же в 1297 году царь Индраварман III принимал китайского дипломата Ку Такуана, который прожил в этом царстве семь месяцев. Он написал дневник,

собравший мельчайшие подробности из жизни кхмеров. «Дважды в день монарх устраивает аудиенции, — писал китаец. — Под звуки музыки, держка в руках священный меч, он подходит к окну в золотой раме. Затем приглашает министра или высокопоставленного чиновника, предлагает ему сесть на тигровую шкуру и изложить просьбу. У монарха пять жен, а число его фавориток, говорят, колеблется от 3 до 5 тысяч. Лучшие семьи соревнуются

между собой, предлагая ему собственных дочерей в надежде получить привилегии». Исторические хроники доносят и другие сведения: в империи процветала торговля. Золото Суматры и Кореи, свинец из Малайзии, ртуть, ценные породы дерева, шелк, специи, краски перевозились по рекам или переносились «низкими» людьми, которых с презрением называли «собаками», «ублюдками», «червями». Все в прошлом, но до сих

пор Ангкор остается духовным центром — его башни фигурируют на национальном камбоджийском флаге, а принц Сианук, перед тем как принимать важные решения, приезжает сюда для медитаций. Лучи полуденного солнца скользят по барельефам, лишь подчеркивая контрасты. Любуюсь изящными фигурками прекрасных апсар — прозрачные ткани облегают их тела, оттеняя совершенство движений.

Нежная музыка, сверкающие краски отвлекают от созерцания барельефов: вижу трех великолепных танцовщиц — абсолютно реальных, не вырезанных в камне. Не знаю, по какому волшебству они оказались здесь — ослепительные, наряженные в шелковые, расшитые золотом и жемчугом ткани. Они изящно движутся, послушные старинным танцевальным ритмам, — как и их предшественницы, много веков назад выступавшие для услаждения местных

монархов. Назавтра, продолжая свои одинокие прогулки по храмовому комплексу, по тропинкам, туристам незнакомым, еще и еще раз убеждаюсь в том, что ужасные разрушения здесь происходят не из-за погодных условий, не вследствие разросшейся растительности — а по причине человеческого вандальства. Кровавые красные кхмеры всячески старались уничтожить всю религиозную символику; следом за ними здесь

появились люди, продолжившие разрушение храмов — но уже в целях наживы. Они уродовали статуи Будды и других божеств — разбивали их, а затем отвозили отбитые торсы и головы, чтобы продать перекупщикам. Впрочем, самым знаменитым похитителем храмовых ценностей был и остается французский писатель Андре Мальро, министр культуры в правительстве Де Голля, который в двадцатых годах украл несколько барельефов в одном из храмов Ангкора.

Сегодня ЮНЕСКО обращается ко всему миру с призывом помочь спасти Ангкор, монументы которого находятся в плачевном состоянии от нанесенных ему ран. Но мне приходит, быть может, неожиданная мысль: да, джунгли поглотили храмы, но они же были для них и защитой. Не лучше ли сохранить существующий сегодня «сценарий» молчаливой и драматической борьбы между миром камней и могущественной природой?

